Научная статья
УДК 616-002.73(571.56)(091)
doi: 10.17223/15617793/479/17

Проказа в Колымском округе Якутии (исторический обзор)

Спиридон Спиридонович Слепцов¹, Снежана Спиридоновна Слепцова², Максим Николаевич Андреев³

¹ *Якутский научный центр комплексных медицинских проблем, Якутск, Россия*

² *Северо-Восточный федеральный университет им. М.К. Аммосова, Якутск, Россия*

³ *Научный центр неврологии, Москва, Россия*

¹ *sachaja@yandex.ru*

² *sssleptsova@yandex.ru*

³ *max_andreev@mail.ru*

Аннотация. Анализируется история борьбы с проказой в Колымском округе Якутии с конца XVIII до первой половины XX в. На основании обобщения и сопоставления архивных материалов и печатных источников показан вклад медицинских работников и духовенства в борьбу с этим опасным заболеванием, описаны условия жизни прокаженных, уделено внимание процессу организации Среднеколымского лепрозория. Высказано предположение, что проказа попала на территорию Якутии не из европейской части России, а могла быть завезена из Восточной Азии.

Ключевые слова: история Якутии, история медицины, проказа, лепрозорий, Якутская область, Колымский округ, Среднеколымск, якуты

Для цитирования: Слепцов С.С., Слепцова С.С., Андреев М.Н. Проказа в Колымском округе Якутии (исторический обзор) // Вестник Томского государственного университета. 2022. № 479. С. 158–168. doi: 10.17223/15617793/479/17

Original article
doi: 10.17223/15617793/479/17

Leprosy in Kolyma Okrug of Yakutia (A historical review)

Spiridon S. Sleptsov¹, Snezhana S. Sleptsova², Maksim N. Andreev³

¹ *Yakut Science Centre of Complex Medical Problems, Yakutsk, Russian Federation*

² *North-Eastern Federal University, Yakutsk, Russian Federation*

³ *Research Center of Neurology, Moscow, Russian Federation*

¹ *sachaja@yandex.ru*

² *sssleptsova@yandex.ru*

³ *max_andreev@mail.ru*

Abstract. The article is dedicated to the history of leprosy control in Kolyma Okrug of Yakutia from the end of the 18th century to the first half of the 20th century. Based on summarizing and comparing the archive sources, the contribution of medical workers and religious authorities in the fight against this dangerous disease is shown, the living conditions of leprosy patients are described, attention is paid to the organization of the leprosarium in Kolyma Okrug, which then existed until 1955. Considering the geographical position of Kolyma and the absence of any information about leprosy in other places in Siberia before the 18th century, an assumption was made that this disease could not have reached Yakutia from the European part of Russia, but could have been carried from East Asia. Due to the remoteness and low population density of Kolyma Okrug, as well as a lack of doctors and the absence of a consensus among physicians regarding the diagnosis until the middle of the 19th century, the first few attempts to establish a leprosarium in North-East Yakutia were unsuccessful, although the problem was discussed at the highest level with the participation of leading experts. The local authorities banished the ill from society, and they spent the rest of their lives without proper care, treatment, and often in complete solitude. The care of the ill consisted only of delivering food and fuel to their homes monthly. Thus the cause of the high leprosy mortality was not because of the disease itself, but also of accidents, suicides, physical exhaustion, etc. The role of health workers in this period was minimal, with the dispersed accommodation of patients causing additional difficulties for both doctors and patients. It became comparatively easier to facilitate the work of medical men and patients in 1904 when a leprosarium was opened not far from Srednekolymsk thanks to the donations of the Russian eparchy. Doctor S.I. Mitskevich, who was not only one of the initiators of the idea but also a person who brought the problems of the Kolyma leprosy far beyond Yakutia's borders, played a significant role in this work. But, unfortunately, the quality of the buildings was poor due to the fault of the main contractor, and soon many buildings for the ill deteriorated. Later on, due to the military and po-

litical disturbances in the country, the problems of leprosy patients were pushed to the sidelines. Positive changes began to be seen only in the 1930s, following the publication of a report by the Yakutsk Health Department. The YaSSR government turned its attention back to the Kolyma village, and funds were allocated to improve the facilities and conditions of the leprosarium and increase its personnel.

Keywords: history of Yakutia, history of medicine, leprosy, leprosarium, Yakutsk region, Kolyma Okrug, Srednekolymsk, Yakuts

For citation: Sleptsov, S.S., Sleptsova, S.S. & Andreev, M.N. (2022) Leprosy in Kolyma Okrug of Yakutia (A historical review). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 479. pp. 158–168. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/479/17

Проказа – хроническая инфекционная болезнь, вызываемая бактерией *Mycobacterium leprae*, известна всему миру с самых древних времен. Нередко считалось, что это «божья кара», и изгнанные из общества больные медленно и мучительно умирали в одиночестве, а позднее – в так называемых лепрозориях, где в основном не получали эффективного лечения. Аналогичная картина наблюдалась и в Якутии. При этом остаток жизни якутского прокаженного проходил в более суровых условиях как из-за специфического климата, так и обширности территории. Страх перед проказой был настолько велик, что остракизму порою подвергались люди лишь заподозренные, как случайно, так и по злему умыслу, но не больные. Иногда наблюдалась и обратная картина – до появления точных методов диагностики лепру могли принимать за запущенную форму сифилиса или другие болезни. Безусловно, все это вносило большую путаницу. В литературе имеется немало сведений о лепре в Якутии, но в большинстве случаев они отрывочны, при этом в них немало исторических неточностей, заблуждений, переходящих из источника в источник. В связи с этим, целью работы явилась систематизация и анализ литературных и архивных сведений о распространенности проказы и мерах борьбы с ней на Северо-Востоке Якутии.

По данным статского советника И.М. Петухова [1. С. 6], наиболее ранние сведения о появлении лепры на территории Колымского округа относятся приблизительно к 1765 г. Автор пишет, что болезнь широко распространилась среди местного населения Верхней Колымы, а в числе заразившихся был родоначальник Мятюжского рода Банеров. Власти отправили из Якутска штаб-лекаря Михаила Михайловича Робек (1753–1818), который «пользовал Банерова в течение 1784 года, но без всякого успеха». Необходимо уточнить, что Робек в 1780–1784 гг. находился в Кронштадте [2. С. 269–270], а на Колыму прибыл только осенью 1786 г. в составе экспедиции Биллингса-Сарычева (1785–1793). При этом нет никаких свидетельств, что в ходе этого путешествия он проводил обследование прокаженных. То есть утверждение, что на Колыме лепра была впервые диагностирована именно М.М. Робек, ставится под сомнение.

Однако Г.А. Сарычев в своем отчете упоминает, что «доктор» (скорее всего, Мерк Карл Генрих) вместе с Биллингсом в ноябре 1786 г. посетили селение юкагиров (ныне село Нелемное) и что «сей народ прежде был многолюден <...> но... от распространившихся заразительных болезней, оспы и другой, называемой здесь Киликинскою, многие перемер-

ли...» [3. С. 64]. Скорее всего, под словом «киликинская» подразумевалось прилагательное «килийская». Ведь, как поясняет Г.Н. Минх [4. С. 102–103], согласно Мишне (древнееврейский религиозно-юридический сборник) появление на коже человека пятна размером с киликийский боб могло являться предвестником цараата, т.е. проказы.

Примерно в это же время лепру обнаружили и в районе Средней Колымы, но «заболевшие ею остались без всякого врачебного пособия». В 1803 г. для осмотра колымских прокаженных прибыл выпускник Московского генерального госпиталя (1795 г.), штаб-лекарь Матвей Иванович Малиновский, который сделал вывод, что «особенного рода заразительную болезнь, причисляемая к роду проказы <...> надобно относить к особому произведению соединения венерической, цинготной и куппо ломотной болезней» [1. С. 6, 34]. Дальнейшие исследования М.И. Малиновский провести не смог – в 1805 г. он скончался от легочного кровотечения.

В 1810 г. путешественник М.М. Геденштром доложил начальству о широком распространении в Среднеколымском и Зашиверском комиссарствах проказы и сифилиса, вследствие чего в 1815 г. в эти края из Якутска был командирован коллежский советник, доктор 7-го класса, врачебный инспектор Якутской области Федор Федорович Реслейн (1757–1816), который «предполагал лечить проказу привитием сифилитического яда» [5. С. 117; 6. С. 525; 7. С. 356]. К слову, личность Ф.Ф. Реслейна, уроженца Астраханской губернии, получившего медицинское образование сначала в Московском университете, затем в Петербургской госпитальной школе и Страсбургском университете и длительное время проработавшего не только в Якутии, но и на Камчатке и в Охотске, была окружена разными историями, среди которых сложно отличить истину от выдумки. Например, М.М. Геденштром писал, что даже в лютые морозы доктор, которому было «за 70 лет», не носил зимней одежды, а при отправлении в октябре из Якутска на Колыму на нем было лишь суконное платье. Поэтому, чтобы не замерзнуть, «принужден он был часто слезать с лошади, бегать, кувыркатся» [5. С. 117]. В конце концов, обморозив пальцы ног, Реслейн сам себе их ампутировал и был доставлен в Среднеколымск на носилках. Как пишет Б.Н. Палкин [8. С. 4], это произошло в июле 1816 г., а 6 октября Реслейн скончался. По данным И.С. Сельского [9. С. 17], тело врача положили в склеп, построенный в свое время для умершего при не совсем понятных обстоятельствах ссыльного графа Михаила Гаврило-

вича Головкина (1699–1755), являвшегося сыном Гавриила Головкина – канцлера Петра I. Видимо, последний факт послужил причиной появления еще одной легенды, записанной на Нижней Колыме этнографом В.Г. Богораз-Тан в конце XIX в., где Реслейн описывался как молодой придворный из знатного рода, сосланный на Колыму в ссылку, и что он, мол, покончил с собой со словами «Колыма недостойна такой персоны» [10. С. 68]. Как бы там ни было, существенной работы по борьбе с проказой на Колыме Реслейну провести не удалось, хотя в целом вклад этого человека в развитие медицины на Дальнем Востоке переоценить сложно.

В 1817 г. в Колымский округ прибыл лекарь 9-го класса Яков Томашевский, под руководством которого в урочище Буталах, что в 60 верстах от Среднеколымска, в якутской юрте была устроена первая лечебница для лепробольных, куда поместили 20 человек. Проработала она лишь до 1821 г., и итоги ее деятельности были неутешительными, о чем можно понять из письма генерал-губернатора Сибири М.М. Сперанского от 11 октября 1820 г., адресованного Якутскому областному начальнику М.И. Миницкому: «Прочитав донесение <...> и описание лекаря Томашевского венерической и проказной болезни, – я желал бы, чтобы сия последняя болезнь, столь ужасная по своему гибельному для якутов влиянию, была подробнейшим образом исследована и точнейшим образом были определены средства к ее прекращению». Также Сперанский поручил Миницкому просить от его имени участника экспедиции Врангеля, доктора медицины Августа Эриха Кибера (1794–1855), чтобы тот, «следуя своему назначению <...> обратил бы внимание на болезнь проказную, вникнул бы в ее свойства...» [6. С. 796].

Кибера выслал ответное письмо Сперанскому из Нижнеколымска 28 марта 1821 г., где дал понять, что без должной организации медобслуживания вся работа по лечению больных бесполезна, а имеющаяся лечебница находится в жалком состоянии: «...там около 12 больных, живущих вместе в маленьком пространстве (10×10 футов), их искаженные тела покрыты лохмотьями и оленьими шкурами, которые они носят уже много лет. Их постель без белья, без одеял, походит больше на кучу навоза. Для больных не имеется сиделок. Они вынуждены ходить за дровами для топки, сами заниматься уборкой и т.д. Эти обстоятельства только благоприятствуют распространению болезни вместо того, чтобы ее остановить...» [6. С. 796–800]. Но, по всей видимости, на тот момент Кибера не был уверен, что данная болезнь действительно является проказой. Сперанский, хотя и посчитал полученные от Кибера сведения обстоятельными, 17 сентября 1821 г. (уже будучи членом Сибирского комитета) переслал их министру внутренних дел Российской империи графу В.П. Кочубею с просьбой рассмотреть эти документы на медицинском совете. Также генерал-губернатор высказался о необходимости постройки на Колыме больницы с обеспечением ее медикаментами, а также лекарем (на место Томашевского, который на тот момент по состоянию здо-

ровья проживал уже в Якутске). Следует отметить, что после отправления письма Сперанскому Кибера продолжил заниматься обследованием колымских прокаженных, а 20 февраля 1823 г. сообщил, что болезнь, в которой он все-таки признал проказу, излечима, так как это не что иное, как результат видоизменения сифилиса, произошедшего под влиянием местных условий и специфичного быта населения, но без «столь пагубных признаков», наблюдающихся при венерических заболеваниях. В то же время он сам себе противоречил, указывая, что болезнь является наследственной, и не было случаев, чтобы больной выздоровел [11. С. 3–5].

Несмотря на то что вопросы по улучшению медицинского обслуживания в далеком уголке Якутии обсуждались на самом высоком уровне, следующий после Томашевского медик на Колыме появился лишь в декабре 1831 г. Это был первый окружной врач округа, выпускник Московского отделения Медико-хирургической академии (1830 г.), коллежский секретарь Сергей Никитич Яковлев, которому поручили на средства улуса возобновить работу лепрозория. Для выполнения этой задачи летом 1832 г. в 4 верстах от Среднеколымска построили две юрты. Предполагалось, что все 12 прокаженных, числившихся в округе, в них и разместятся. Но когда Яковлев обратился к инородческой управе с просьбой доставить больных в лечебницу, ответили, что имеющихся денег хватит на содержание лишь двоих человек. Их действительно доставили в лепрозорий, но средств на приобретение продуктов, одежды, а также на содержание слугителя и прачки не выделили. Более того, уже в октябре стало ясно, что юрты совсем не пригодны для проживания: пациенты страдали от холода, вода в котлах замерзала, лопались бутылки с лекарствами. Вскоре один из больных умер. От работ по утеплению жилищ управа отказалась, объяснив, что никто не хочет рисковать своим здоровьем [12. С. 3]. Оставшаяся единственная пациентка вынуждена была проживать до конца года в холодной юрте, пока «якуты не возбудили ходатайство о разрешении увезти ее обратно в наслег» [13. № 281. С. 2]. Таким образом, проработав всего несколько месяцев, лепрозорий снова закрылся.

Как говорилось выше, заболевшие лепрой становились изгоями общества, и для них отводилась отдельная юрта на значительном расстоянии от других жилищ. «К великому сожалению, увидел я, что больные без всякого почти призрания брошены на произвол судьбы; были отдалены в особые юрты; живут подобно диким народам, питаются испорченной пищей, а некоторые и не имеют даже верхнего платья и лишены всякого спокойствия, валяясь на голых лавках <...> Юрты, где они поселены, холодны, тесны и настолько неопрятны, что прежде времени должны, кажется, ускорить смерть, особенно при худом и недостаточном питании», – сокрушался Яковлев после очередного объезда вверенного ему округа в 1837 г. [13. № 281. С. 2]. После этого отчета колымский исправник Иван Васильевич Виноградов просил губернатора открыть лепрозорий на 10 человек, но утвердительного ответа не последовало [12. С. 4].

В 1838 г. Иркутская врачебная управа по просьбе самого же Яковлева дала разрешение о его переводе в Нижнеудинск. Узнав об этом, 7 февраля 1839 г. колымчане составили коллективное и очень трогательное обращение, где просили врача остаться [14. Л. 6–7]. Хотя Яковлев и ответил, что «готов уважить просьбу жителей», указ о его переводе отменен не был [14. Л. 13].

После отъезда Яковлева всю медицинскую работу возложили на уроженца Иркутской губернии, лекарского ученика Василия Иннокентьевича Кононыхина (1817 г. р.), который проработал на этой должности с 1835 по 1864 г. Вскоре в округе значительно увеличилось количество «одержимых любовою болезнью», вследствие чего исправник Петр Федорович Бубякин 20 декабря 1840 г. попросил начальство Якутской области направить к ним положенного по штату окружного врача [15. Л. 56].

За неимением подходящей кандидатуры эту должность с октября 1841 г. по март 1842 г. на Колыме занимал выпускник Петербургской медико-хирургической академии (1829 г.), штаб-лекарь, врачебный инспектор Якутской области Федот Степанович Сокальский (1803–1857). Согласно его отчету, за полгода ему удалось излечить от сифилиса 97 человек. Эти данные удостоверялись свидетельством от колымского исправника, именным списком излеченных и списком израсходованных медикаментов. Но Иркутская врачебная управа, сделав замечание, что врач не уделил должного внимания выявлению «причин происхождения венерической и проказной болезней», усомнилась в правдивости представленных результатов [1. С. 11]. В оправдание Сокальского надо сказать, что во время поездки он действительно пытался найти и обследовать лепробольных. Так, узнав, что в Байдунском наслеге в течение 7 лет отдельно от всех проживают 3 женщины с подозрением на проказу, 18 октября 1841 г. он попросил исправника доставить их для осмотра. Однако врачу отказали, сославшись на отдаленность их местожительства [16. С. 174]. Позже Сокальскому привели некоего Илью Мордовского «с застарелыми цынготными язвами», которого он признал неизлечимым, однако конкретного диагноза не указал [15. Л. 3].

Со второй половины 1842 по 1848 г. окружным врачом работал выпускник Московского отделения Императорской медико-хирургической академии Николай Федорович Козловский (1800–1858), который тоже пытался помочь Мордовскому. Врач отмечал, что после начала лечения «язвы приходили в лучший вид, но к совершенному излечению при всех употребленных средств остаются ненадежными и сверх того Мордовской страдает чахоткою» [15. Л. 3 об.]. По сведениям лекарского ученика Кононыхина, кроме некоторых мазей и трав Козловский в качестве средства против язв применял примочки с отваром тальниковой коры. В целом действующий исправник Фердинанд Викентьевич Хмелевский положительно отзывался о Козловском, но многие не разделяли этого мнения. Причиной тому послужило письмо Козловского в Иркутскую врачебную управу от 23 авгу-

ста 1844 г., в котором он обвинил в неблагоприятных поступках многих влиятельных лиц округа [15. Л. 51–52]. Например, бывшего исправника Бубякина обвинил в превышении должностных полномочий, священника Сивцова – в «непомерных требованиях на совершение браков между инородцами, что вынуждает их оставаться в безбрачии, поддерживая разврат», и ведет к увеличению количества незаконнорожденных детей, казаков и купцов – в распространении венерических заболеваний и притеснении местного населения. Безусловно, это не осталось без внимания, проводилось длительное разбирательство в виде переписки, из которой можно узнать, что Козловский не только ответственно относился к своему делу, но и старался всеми силами помогать людям [15. Л. 60]. По его инициативе в сентябре 1843 г. недалеко от Среднеколымска была построена венерическая лечебница с мужским и женским отделением на 14 человек. В том же году по заданию Якутского правления врач принимал участие в опытах по возделыванию картофеля. После отъезда из Колымы Николай Федорович работал в Верхоянском округе, а затем в Якутске [17. С. 125].

В конце августа 1847 г. в Среднеколымск прибыл выпускник Императорского Московского университета (1822 г.), медицинский инспектор Якутской области доктор Николай Иванович Неаполимовский (1798–1854). Во время командировки он в основном занимался лечением сифилитиков. Также доктор осмотрел 4 человек, считавшихся прокаженными, и заключил, что у больных не что иное, как «застарелая венерическая болезнь, сопряженная с цингой» [1. С. 58]. При этом он предлагал запретить само слово «проказа» как «возбуждающее ужас в туземцах», хотя, по наблюдениям многих исследователей, опытные якутские целители хорошо отличали лепру от сифилиса, с достаточно высокой точностью выявляя первую даже на ранних стадиях. При этом бытовало мнение, что если опухоль началась с ноги, то больной может прожить до 15 лет, если с руки – 8–9 лет, а если с лица, то не более 3 лет [18. С. 270]. Ошибка Неаполимовского и его предшественников объяснима: 1) в те годы было распространено мнение, что проказа характерна только для стран с теплым климатом; 2) до публикации работы Даниэля Даниэльсена и Вильгельма Бека «Om Spedalskhed» / «О проказе» (1847) медики нередко испытывали затруднения при диагностике этого заболевания.

С 23 июля 1848 г. новым окружным врачом назначили выпускника Императорского университета Святого Владимира (1846 г.) Фаустина Петровича Корженевского (1823–1855), успевшего ранее немного поработать на той же должности в Верхоянском округе [19. Л. 14]. Спустя некоторое время он пришел к выводу, что четверо больных, осмотренных ранее Неаполимовским, на самом деле не сифилитики, а заражены бугорчатой проказой. В качестве подтверждения своих слов он предоставил подробный анамнез пациентов с указанием различий с характерными симптомами сифилитиков [20. Л. 55]. Причинами, «производящими проказную болезнь между якутами», Корженевский назвал потребление воды из

стоячих водоемов, поедание рыбы не первой свежести, антисанитарные условия в жилищах. Для профилактики заболеваемости врач считал необходимым проведение ежегодных медосмотров населения и строительство бань в наслегах. Также в очередной раз Корженевский поднял вопрос об устройстве на Колыме лепрозория, но, к сожалению, в ночь с 1 на 2 апреля 1855 г. скоропостижно скончался от «родимца» и был похоронен на кладбище Среднеколымской Покровской церкви.

До мая 1864 г. Колымский округ оставался без врача, пока не прибыл выпускник Императорского Харьковского университета (1863 г.), коллежский ассессор Фелициан Христианович Шуберт (1820 г.р.). В ходе врачебной деятельности он неоднократно направлял своему начальству рапорты о злоупотреблениях местных должностных лиц, казаков, купцов, вследствие чего, как и его предшественник Козловский, нажил себе врагов. В попытке избавиться от Шуберта 27 июля 1869 г. мещанское общество направило в Якутск прошение, чтобы «взамен теперешнего лекаря был прислан другой опытный лекарь, или лекарский ученик, так как лекарь отказывается подавать помощь бедным» [21. Л. 7]. Тем не менее, несмотря на этот конфликт, Шуберт проработал на Колыме до 1873 г., но данных о проведенной им работе не сохранилось. Возможно, в какой-то степени этот факт объясняется тем, что исправник зачастую не принимал пакеты с отчетами врача, предполагая что Шуберт пытается передать очередную жалобу своему начальству [17. С. 135].

В апреле 1875 г. в Среднеколымске побывал врач, ботаник и этнограф Фома Матвеевич Августинович (1809–1891), основной целью которого было изучение распространенности и лечение сифилиса среди иногородческого населения Восточной Сибири. Однако в его путевых заметках нет сведений о проделанной работе на территории Якутии, хотя путешественник успел побывать даже в Вилюйске [22. С. 641–733]. В целом информации о положении лепробольных в 1870–1880-х гг. на Колыме немного. В рапорте ревизора Трифонова от 1873 г. есть следующие строки: «Прокаженные живут в отдельных юртах. Раз в месяц привозят им пищу, заготавливают дрова, воду или лед и все это оставляют на улице <...> пока больной имеет силы, выходит из юрты и пользуется тем, что найдет, а затем по изнеможении, или умирает, или сгорает вместе с юртою» [16. С. 176]. Страдания больных лепрой также очень живо описаны в произведениях революционера и писателя Адольфа Готлибовича Ключе (1865–1942), отбывавшего ссылку в Колымском округе в 1887–1893 гг. Например, это рассказы «На озере прокаженных», «Александр, возчик прокаженных», «Уголок отверженных». А в «Очерках колымской жизни» автор затрагивает и проблемы медиков: «Среди них попадаются иногда люди добросовестные, но при трудных условиях жизни они деморализуются, утомляются непосильною работой и потому ведут дело спустя рукава <...>. Сколько прокаженных в Колымском округе – мне не удалось узнать точно, так как все компетентные лица, к которым я

обращался, – улусный писарь, фельдшер, якутские старосты называли неординарные цифры» [23. С. 2].

Между тем количество прокаженных в округе увеличивалось. Так, если в первой половине XIX в. ежегодно насчитывали не более 10–12 больных, то в 1895 г. их количество составило 26 чел., в 1896 г. – 38, в 1897 г. – 41, в 1898 г. – 39, в 1899 г. – 33, в 1900 г. – 31, в 1901 г. – 30 чел., в 1902 г. – 29 чел. [13. № 286. С. 2]. Согласно переписи населения Якутской области за 1897 г., численность якутов в Колымском округе была 3 413 чел. Таким образом, получается, что в этот период прокаженные составляли 1,2% от всего якутского населения. При этом надо учесть, что летальность среди прокаженных была крайне высокой. Так, в 1900 г. из 35 человек умерло 14, но общее количество больных осталось почти неизменным за счет новых заболевших [24. Л. 95–98]. При этом очевидно, что смерть нередко наступала не только от последствий проказы, но и таких причин, как несчастные случаи, самоубийства, физическое истощение и т.д.

Спустя более полувек после первого упоминания лепры в Колымском округе появились сведения о прокаженных и в другом уголке Якутии – в Вилюйском округе. Согласно врачу А.И. Уклонскому, на Вилюе «проказа сделалась известною местному начальству с 1820 года; число больных простиралось тогда до многих десятков...» [25. С. 103]. Поэтому в этих краях, как и на Колыме, долгое время поднимали вопрос о необходимости открытия лепрозория. Это долгожданное событие произошло 5 декабря 1892 г. [26. С. 82]. В середине 1890-х гг. аналогичный выселок для прокаженных хотели открыть и на Колыме. Для этой цели обер-прокурор Святейшего Синода К.П. Победоносцев выслал епископу Якутскому и Вилюйскому Мелетию 3 000 руб., которые 26 мая 1895 г. были переданы губернатором Якутии колымскому исправнику Владимиру Викторовичу Гуляеву. Но вскоре после возвращения последнего в Среднеколымск за ним приехал нарочный с распоряжением не организовывать лепрозорий, а выделенные средства вернуть, так как «Главный Начальник Края [предложение от 11 апреля 1895 г. за № 3463] считал преждевременным приступить к каким бы то ни было строительным работам, впредь до получения подробной сметы на постройку приюта» [27. Л. 48].

Спустя какое-то время колымчане снова ходатайствовали о необходимости постройки выселка. Но 18 ноября 1898 г. на заседании Якутского областного управления медицинский инспектор Виталий Антонович Вонгородский предложил всех колымских прокаженных перевести в Вилюйский лепрозорий, так как «устройство выселка в Колымском округе сопряжено с большими затратами». В декабре того же года идею инспектора передали на рассмотрение исправникам северных округов. 23 марта 1899 г. те ответили, что больных можно перевозить только зимой. При этом было предложено два возможных маршрута: 1-й по так называемому купеческому тракту (протяженность 3 тыс. верст) через Якутск на лошадях по относительно заселенной местности, где можно достать провизию и фураж; 2-й – значительно протяженнее,

на оленях, через Индигирку, Булун, Жиганск по безлюдной тундре. Но даже в первом случае время для прохождения пути составило бы не менее 4,5 месяца. Далее исправники ссылались на мнение нового окружного врача Колымского округа С.И. Мицкевича, который по ряду причин был против перевозки больных, основные из которых: 1) значительные затраты на перевозку; 2) невозможность найти прислугу для сопровождения прокаженных, так как из-за страха инфицирования никто на это не согласится; 3) больные сами не захотят покидать родину; 4) новые случаи лепры на Колыме неизбежны, т.е. подобную перевозку все равно придется проводить повторно. Согласившись с доводами Мицкевича, Вонгородский 25 июля 1898 г. сообщил губенатору о необходимости устройства в Колымском округе отдельного лепрозория на 30 человек аналогично Вилюйскому. Вся эта информация с подробными экономическими расчетами была изложена в протоколе заседания Якутского областного управления от 9 августа 1900 г. [27. Л. 1–10]. Но из-за отсутствия средств строительство выселка снова отложили.

Важно отметить, что, в отличие от большинства своих предшественников, вышеупомянутый Сергей Иванович Мицкевич (1869–1844) быстро освоился на новом месте, вник в проблемы местного населения, находил время, чтобы донести их до общественности. Так, в январе 1900 г. в газете «Восточное обозрение» он опубликовал заметку, где не только раскритиковал идею переселения колымских прокаженных, но и осветил вопрос нехватки в округе лекарств: «Были целые годы, за которые вовсе не доставлялось сюда медикаментов, например, в 1897 г., за 1898 г. пришла только часть их, а часть затерялась неизвестно где. Больные ждали лекарств и остались без лечения» [28. С. 3]. В феврале 1900 г. врач отправил в редакцию газеты «Русские ведомости» статью «Прокаженные на Крайнем Северо-Востоке Сибири», где на конкретных примерах описал быт больных, особенности их взаимоотношений с основным населением, а в конце выразил надежду, что среди читателей, возможно, найдутся люди, которые не останутся равнодушными к страданиям колымских прокаженных [29. С. 18]. Публикация не осталась без внимания – 15 марта 1901 г. Мицкевич предоставил медицинскому инспектору рапорт, в котором докладывал, что общая сумма поступивших пожертвований составила 1 716 руб., из которых он на 661 руб. приобрел одежду и продовольствие для прокаженных. Также сообщалось, что на 165 руб. в Верхнеколымске куплено 5 лошадей в качестве продовольствия для голодающих юкагиров и что данные средства отданы в виде ссуды на 10 лет. Из этого же письма узнаем, что ранее мединспектор предлагал Мицкевичу построить на пожертвования юрты для выселка, на что последний ответил, что «улусу тогда очень трудно будет содержать прокаженных, ибо теперь они рассеяны по всему округу и пища для них доставляется натурой каждым наслегом, доставлять же пищу в город за несколько верст будет крайне обременительным для якутов» [30. Л. 35–38]. По воспоминаниям Мицкевича, итоговая

сумма пожертвований после публикации статьи составила около 3 000 руб., которые «позволили ему несколько улучшить положение прокаженных» [31. С. 112–113]. В это же время он значительно продвинул вопрос о строительстве нового здания для среднеколымской больницы, открыл фельдшерские пункты с приемными покоями на пять кроватей в Нижнеколымске и Верхнеколымске.

16 мая 1902 г. колымский протоиерей Василий Бережнов отправил епископу Якутскому и Вилюйскому Никанору рапорт, в котором сообщил, что работает на Колыме 7-й год и, по его наблюдениям, среднегодовое количество прокаженных в округе не превышает 40–45 человек. Исходя из этого, он выслал на рассмотрение план выселка, рассчитанный на 40–50 человек. Протоиерей был убежден, что для размещения больных необходимо построить 10 якутских юрт. Отказ от строительства одного общего помещения Бережнов аргументировал следующим образом: 1) «зловоние, исходящее от разлагающихся тел прокаженных настолько сильно, что дезинфекция и вентиляторы при многочисленности больных мало помогут»; 2) больным самим придется выполнять все хозяйственные работы, из-за чего при совместном проживании большого количества людей неизбежны ссоры; 3) необходимо раздельное проживание мужчин и женщин; 4) многие не признают себя больными, потому всячески избегают находиться в одном помещении с теми, у кого признаки болезни очевидны. Подытоживая письмо, Бережнов указал, что для реализации представленного им плана необходимо 3 500 руб. [27. Л. 31–32]. В том же году Святейший Синод удовлетворил эту просьбу, а губернатор Якутии В.Н. Скрипицын 12 августа 1902 г. призвал колымского исправника Александра Алексеевича Николаева «оказать должное содействие начинаниям Духовного Ведомства» [27. Л. 14–15].

Мицкевич как никто другой ратовал за улучшение жизни прокаженных, и 7 августа 1902 г. он написал исправнику свое видение по устройству приюта, а именно о целесообразности постройки рубленых русских изб с земляной крышей, так как, в отличие от якутских юрт, они более прочны, не требуют ежегодного ремонта, в них легче поддерживать чистоту. При этом говорилось, что, с учетом того, что больных в округе около 30 человек, необходимо построить пять 6-местных домов и еще один запасной [27. Л. 25–28]. 16 августа Мицкевич отправил аналогичное письмо якутскому медицинскому инспектору и попросил, чтобы устройство колонии не отдавали в чье-то единоличное заведывание, а предоставили комиссии с непременным участием врача. С мнением Мицкевича был согласен и советник Якутского областного правления Александр Андреевич Ващенко (с 1906 г. вице-губернатор Якутии): «...юрты, при обилии дождей в Колымском округе, всегда и у всех, даже у зажиточных городских жителей, протекают <...> Такая же участь ожидает и будущие юрты в приюте, и в довершении к этому, необходимость каждый год пред началом зимы производить замазку или дополнять засыпку – труд совершенно излишний для русских с

крышами домов и нелегкий для прокаженных <...> если гражданская власть не будет равнодушна, юрточная система на 4 человека будет выбракована» [27. Л. 40, 43]. Но, несмотря на аргументированность этих заявлений, протоиерей Бережнов не согласился что-либо менять в проекте выселка и отказался от создания упомянутой комиссии.

18 января 1903 г. исправник провел очередной сход родоначальников, где «кинородцы выразили полное согласие о принятии на себя постройки приюта». 20 января они заключили контракт с Бережновым, согласно которому улус из собственного стройматериала обязался до 10 октября 1904 г. построить 12 юрт, 3 амбара с 2 погребями, а также часовню, материал для которой предоставит священник. Стоимость работ оценили в 2 200 руб. В марте 1903 г. начались подготовительные работы [27. Л. 18–19].

Первоначально, т.е. в 1895 г., выселок планировали разместить в 20 км к западу от Среднеколымска «при двух озерах, разделенных между собой небольшим хребтом» [27. Л. 32]. Но летом 1902 г. Мицкевич предложил другое место – в 5–6 км юго-западнее Среднеколымска, в окрестностях озера Турпаново, т.е. недалеко от реки, по которой удобно доставлять стройматериалы [27. Л. 25]. Но горожане выступили против этого решения, поэтому 10 ноября 1902 г. окончательное место для лепрозория было выбрано за рекой, «на восточном берегу озера Максимова» [27. Л. 53]. В документах 1920-х гг. это озеро иногда именовалось как Ванькино, а в настоящее время водоем на Яндекс-Картах отмечен как Озеро Ивана.

Сергей Иванович Мицкевич, по праву заслуживший уважение всего местного населения, уехал из Колымы в апреле 1903 г., так и не дождавшись окончания строительства лепрозория и больницы. Последняя была достроена в 1904 г. при новом окружном враче Евгении Петровиче Попове, который вскоре также покинул Колыму. Основные работы по устройству лепрозория завершились в 1905 г. – на огороженной территории площадью около 50 м² разместили церковь с отдельным двориком и 10 юрт для больных.

Из-за отсутствия врача медицинская помощь жителям выселка в первое время почти не оказывалась. Лишь изредка, несмотря на занятость на основной работе и недовольство населения из-за страха заразиться проказой от медиков, лепрозорий посещали фельдшеры Николай Платонович Зенников и Константин Федорович Верховодов, начавшие свою деятельность еще при Мицкевиче. Вопросы по доставке питания и дров в выселок возложили на местных жителей Тимофея Слепцова и Гавриила Третьякова, выполнявших также роль сторожей [32. Л. 45]. Учитывая сложившуюся ситуацию, 21 марта 1906 г. Госсчет Российской империи учредил при выселке должность фельдшера, а заведение учреждением поручили участковому врачу с дополнительной оплатой труда и «считая для него каждый год заведывания за три года». Также в документе требовалось организовать при выселке хозяйственный комитет, «состоящий из местных обывателей» [33. С. 273–274]. 29 января 1907 г. данный комитет был организован, в со-

став него вошли исправник А.А. Николаев, священник В.С. Никифоров, улусный голова С.Т. Гуляев и временно исполняющий обязанности врача фельдшер К.Ф. Верховодов [32. Л. 27–30]. Ими была проведена ревизия выселка, итоги которой опубликовали в газете «Якутский край»: «Юрты построены из рук вон плохо, бестолково и уже теперь начали разваливаться; каминные деревянные – дымят и загораются <...> Для сторожей еще не построены дома; дома же для священника и фельдшера построены в ¼ версты от поселка и тоже разваливаются, а погреба залиты водой. Сносно устроена одна лишь церковь...» [34. С. 3]. Автор заметки небезосновательно винил в этом бывшего священника Бережнова, получившего дополнительную оплату в размере 2 000 руб. за работу в качестве «архитектора», что подтверждается итоговой суммой затрат на постройку лепрозория, равной 5 500 руб. [32. Л. 7].

В 1908–1909 гг. колымским окружным врачом работал лекарь Ричард Антонович Вейспал, в 1911 г. – лекарь Владимир Карлович Рено, в 1913–1916 гг. – статский советский Мухамеджан Карабаевич Карабаев. Видя плачевное состояние выселка, все они ходатайствовали о строительстве новых домов для больных, так как 8 из 10 юрт были признаны непригодными для жилья и вскоре были использованы на дрова. Наконец, в 1916 г. из сумм Вилюйского выселка губернатор выделил 2 500 рублей на постройку 2 юрт, однако новый окружной врач Николай Григорьевич Юдин посчитал целесообразным их израсходовать на ремонт Среднеколымской больницы [35. С. 492].

Из-за постоянной нехватки ассигнований и мест количество больных в выселке редко превышало 20 человек. В основном это были местные жители. Но время от времени привозили больных из Верхоянского округа. Например, в июле 1912 г. доставлено 3 прокаженных из Эльгетского улуса (ныне территория Абыйского, Момского и частично Аллаиховского улусов), после чего колымский исправник обратился к губернатору с просьбой впредь направлять верхоянских лепробольных в Вилюйский лепрозорий, так как средств «еле хватает на содержание прокаженных своего округа» [32. Л. 243]. Видимо, чтобы в будущем пресечь подобные заявления, губернатор в том же году издал указ, обязывающий колымский выселок принимать прокаженных из Верхоянского округа [35. С. 417].

В сентябре 1913 г. в газете «Сибирь» вышла заметка, где немало теплых слов было сказано о сестре милосердия колымского лепрозория Феокисте Никандровне Слепченко, работавшей до прибытия в Среднеколымск (1908 г.) в Вилюйском лепрозории: «...сколько надо иметь физических и духовных сил, чтобы перевязывать полуживых людей, покрытых ужасными ранами, один вид которых приводит человека в содрогание» [36. С. 4]. Но местную администрацию упрекали, что у сестры и фельдшера Николая Николаевича Готлибова, ухаживающих за двумя десятками больных, до сих пор нет своего дома на территории выселка. Узнав об этом, 10 октября 1913 г. губернатор велел колымскому исправнику предоста-

вить отчет о состоянии дел в выселке, в том числе касаясь жилищного вопроса для медперсонала [37. Л. 10]. Оказалось, хозяйственный комитет выселка потратил выделенные в декабре 1912 г. 500 руб. для постройки дома на первоочередные нужды, так как в это время отмечались «чрезмерное вздорожание мяса и увеличения числа больных», вызвавшие перерасход ассигнований [37. Л. 3–4]. В первое время Слепченко пыталась арендовать жилье в городе, но как только люди узнавали, где она работает, встречала отказ, из-за чего пришлось поселиться с лепробольными. Такое отношение колымчан не могло не расстраивать, как и кажущаяся бесполезность ее работы. «Ухаживаешь, ухаживаешь за прокаженными, чуть душу не сложишь, а безрезультатно... думаешь, он выздоровеет, а он умирает, и ничего не поделаешь», – сообщала она в письмах, опубликованных в 1909 г. в журнале «Вестник Красного Креста» [38. С. 89]. В 1915 г. Феоктиста Никандровна покинула Среднеколымск, а в 1916 г. в журнале «Огонек» было опубликовано ее интервью о работе в лепрозориях Якутии, а также несколько фотографий, в том числе снимки Колымского выселка [39. С. 16]. Позднее воспоминания Ф.Н. Слепченко были напечатаны также в журнале «Отчественные архивы» [40. С. 58–72].

Очевидно, что во время Гражданской войны проблемы прокаженных мало кого интересовали. Тем не менее в 1919 г. благодаря многочисленным ходатайствам фельдшера Николая Васильевича Пинегина на лепрозорий снова обратили внимание. Из-за заболоченности местности, выселок хотели перенести на остров Ярмонский, что в 8 км ниже Среднеколымска, а затем в Эльгетский улус Верхоянского округа, однако эта идея постепенно затухла. Наряду с этими обсуждениями проводился сбор пожертвований и к 15 марта 1920 г. собрали «колчаковскими кредитками» 21 914 руб., но эти деньги вскоре изыняли из употребления [35. С. 493]. Тогда фельдшер обратился к знаменитому оймьяконскому купцу-меценату Николаю Осиповичу Кривошапкину. Последний не отказал просьбе и выделил на нужды прокаженных 10 000 руб. В январе 1921 г. Пинегин писал, что колымский врач Алексей Алексеевич Антипин (1891–1952) отправился в связи этим в Якутск, и «вот теперь с нетерпением ожидается весть о результатах такого ходатайства» [41. Л. 3]. Но увидеть новый выселок для прокаженных Пинегину не удалось – 22 апреля 1922 г. он был расстрелян белогвардейцами из отряда полковника Валериана Бочкарева. Маловероятно и то, что в это смутное время средства, выделенные Кривошапкиным, были использованы по назначению. По крайней мере, как отмечал в 1924 г. новый окружной врач, выпускник Воронежского университета (1923 г.) Иван Федорович Сергеев (1888 г. р.), каждая из двух юрт размером 4,2×4,2 м вмещала только нары для 4 больных, поэтому многим приходилось спать на полу. Как правило, из-за этого нередко случались раздоры, для разрешения которых самой действенной мерой являлась угроза высылки конфликтующих в Вилюйскую колонию [35. С. 495]. 28 ноября 1924 г. Сергеев выступил на Колымском окружном съезде

советов и предложил на первое время перестроить выселковую часовню под дом для больных [42. Л. 2]. Но предложение не приняли. Как объяснял позже сам Сергеев, для лепробольных это здание играло особую роль – «в праздничный день они любили звонить в колокол, в дни смерти кого-либо из товарищей по выселку, они звонят “по душе”» [35. С. 496].

Сергеев уехал из Колымы в 1926 г., а значительная часть собранных им материалов впоследствии вошла в отчет Якутского отдела здравоохранения за 1928 г., который предоставили руководству республики: «...уход за прокаженными врача и лекпома (в последние годы одного только лекпома) в связи со скученностью больных, отсутствием бани сводится на нет <...> Ни труд, ни культурные развлечения больным неизвестны, только в летнее время мужчины выходят на рыбный промысел для личных потребностей в отведенном озере Ванькино...» [43. Л. 29–30]. Отмечалось, что в выселке царит антисанитария, терапия противолепрозными средствами отсутствует, 16 пациентов предоставлены сами себе.

Вскоре заведующим лепрозорием назначили врача Епидиана Петровича Михеева, при котором в 1931–1932 гг. для больных, а также для медперсонала построили дома. С августа 1935 г. Михеева заменил врач Александр Алексеевич Мухин (1891–1945), который не только не лечил больных, но и проводил научно-исследовательскую работу [44. Л. 5–16]. Однако, опубликовать свои труды ему не удалось, так как вскоре после начала войны врач ушел на фронт, а 30 апреля 1945 г. он погиб [45. С. 8].

На 1 января 1939 г. в учреждении содержалось 12 человек, штат сотрудников состоял из 9 человек, в том числе 5 медиков, 3 сторожей и 1 бухгалтера, на которого также была возложена обязанность «ликвидатора безграмотности» среди прокаженных. В 1950 г. больных числилось 9 человек. 5 марта 1955 г. по распоряжению Минздрава ЯАССР лепрозорий закрыли, а пациентов перевезли санавиацией в Вилюйск [45. С. 38–40].

Таким образом, учитывая географическое расположение Колымы и отсутствие каких-либо сведений о наличии проказы в других местах Сибири до XVIII в., вполне вероятно, что на Северо-Восток Якутии эта опасная инфекция попала не из европейской части России, а была завезена из Восточной Азии, например, из Китая. В настоящее время известно, что в XVII в. представители некоторых эвенских родов достаточно активно вели торговлю с «китайскими людьми», которые прибывали к кочевникам к устью Амура на судах [46. С. 259]. Другим косвенным подтверждением наличия контактов местного населения с китайцами служит предание колымских якутов о глухаре, родившемся «в Китайской земле, в южной стороне, при Желтой реке» [47. С. 49–51]. О начале распространения проказы из Колымского округа по территории Якутии может свидетельствовать одно из якутских названий лепры, которое дословно переводится как северная эпидемия (хотугу өлүү). Предполагаем, что в будущем некоторую ясность в хронологии появления и распространения проказы на Северо-

Востоке России могут внести новые палеоантропологические находки.

Из-за отдаленности и малонаселенности Колымского округа, а также нехватки врачей и отсутствия у последних до середины XIX в. единого мнения о реальном диагнозе больных первые несколько попыток организовать лепрозорий на Северо-Востоке Якутии оказались безуспешными. Местные власти изгоняли заболевших из общества, и те проводили остаток своей жизни без должного ухода, лечения и нередко в полном одиночестве. Роль медработников в этот период была минимальна, при этом рассредоточенное проживание больных создавало для всех дополнительные сложности. Однако, несмотря на многочисленные сложности, они прибывали в Якутии со всех концов страны и старались делать все возможное, чтобы подарить надежду людям, от которых отвернулось не только общество, но и близкие родственники.

Относительно облегчить труд медиков и участь больных удалось в 1905 г., когда на средства Русской епархии недалеко от Среднеколымска открыли лепрозорий. Безусловно, в этом деле есть и огромная заслуга врача С.И. Мицкевича, благодаря которому о проблемах колымских прокаженных узнали далеко за пределами Якутии. Но, к сожалению, качество строительства по вине основного исполнителя работ было низким, и вскоре многие постройки пришли в негодность. В дальнейшем из-за военно-политических потрясений в стране проблемы лепробольных отодвинулись на второй план. Положительные сдвиги начали наблюдаться лишь в 1930-х гг. после публикации отчета Якутского отдела здравоохранения. Руководство ЯАССР вновь обратило внимание на Колымский выселок – были выделены средства для улучшения материальной базы лепрозория, условий содержания больных и увеличения штата сотрудников.

Список источников

1. Петухов И.М. Медико-исторический обзор Колымского округа // Памятная книжка Якутской области на 1867 год. 2-е изд. СПб. : Тип. В. Безобразова и Комп., 1869. С. 5–61.
2. Русский биографический словарь / изд. под наблюдением пред. Импер. Рус. ист. о-ва А.А. Половцова. СПб. : Импер. Рус. ист. о-во, 1896–1913. Т. 16 : Рейтерн-Рольцберг. 1913. С. 269–270.
3. Путешествие флота капитана Сарычева по Северо-Восточной части Сибири, Ледовитому морю и Восточному океану, в продолжении восьми лет при географической и астрономической Морской экспедиции, бывшей под начальством флота капитана Биллингса с 1785 по 1793 год : в 2 ч. СПб. : Типография Шнора, 1802.
4. Минх Г.Н. История проказы и песи. Вып. 1 (Гл. 1, Гл. 2–10. Греческие ученые до 1-го стол. до Р.Х. Еврейская Библия). [Киев] : Тип. Унта св. Владимира, Киевск. отд-ние т-ва печ. дела и торг. И.Н. Кушнерев и К° в Москве, 1890. 154 с.
5. Геденштром М.М. Отрывки о Сибири. СПб. : Типография мед. департамента Мин-ва внутр. дел, 1830. 166 с.
6. Вагин В.И. Исторические сведения о деятельности графа М.М. Сперанского в Сибири. СПб., 1872. Т. 1. 805 с.
7. Сибирь в XIX столетии / сост. В.К. Андриевич. СПб. : Типография и литография В.В. Комарова, 1889. Ч. 2: Период с 1806 по 1819 г. 1889. XIV. 425 с.
8. Палкин Б.Н. Доктор Реслейн // Волга. 1982. 17 сент. (№ 214). С. 4.
9. Сельский И.С. Ссылка в Восточную Сибирь замечательных лиц (1645–1762) // Русское слово. Август. 1861. С. 1–35.
10. Богораз В.Г. Чукчи / авториз. пер. с англ. Л. : Изд-во Ин-та народов Севера ЦИК СССР, 1934. Ч. 1. 1934. 191 с. (Материалы по этнографии. Т. 5).
11. Кибер А.Ф. Извлечение из дневных записок, содержащих в себе сведения и наблюдения, собранные в болотных пустынях северо-восточной Сибири / пер. с фр. // Сибирский вестник. 1824. Ч. 1. С. 1–10, 11–37, 38–58.
12. Чепалов В.Н. История борьбы с проказой в Колымском округе Якутской области. Томск : Губернская типография, 1914. 13 с.
13. Мицкевич С.И. Еще о проказе в Колымском округе // Восточное обозрение. 1902. № 281. С. 2; № 286. С. 2–3.
14. Национальный архив Республики Саха (Якутия). Ф. 16-и. Оп. 1. Д. 872.
15. Национальный архив Республики Саха (Якутия). Ф. 12-и. Оп. 1. Д. 539.
16. Мицкевич С.И. «Спасибо, большой тойон!»: сборник воспоминаний, статей, писем и документов / сост. И.Е. Федосеев; ред. А.Н. Жирков; авт. предисл. У.А. Винокурова. Якутск : [Б. и.], 1999. 358 с.
17. Летопись Среднеколымска: Хроника. Факты. События / [сост. М.И. Никитин]. Среднеколымск : Медиа-холдинг Якутия, 2016. Т. 1: 1643–1923 гг. 2016. 252 с.
18. Голос из Колымского края // Епархиальные ведомости. 1897. № 17 (1 сентября). С. 270–272.
19. Национальный архив Республики Саха (Якутия). Ф. 16-и. Оп. 1. Д. 1342.
20. Национальный архив Республики Саха (Якутия). Ф. 306-и. Оп. 1. Д. 119.
21. Национальный архив Республики Саха (Якутия). Ф. 55-и. Оп. 1. Д. 256.
22. Августинович Ф.М. Три года в Северо-Восточной Сибири за полярным кругом // Древняя и новая Россия. 1880. Т. XVIII, № 12. С. 641–733.
23. Клюге А.Г. Очерки Колымской жизни // Сибирский вестник. 1895. № 41 (12 апреля). С. 2–3; № 42 (14 апреля). С. 2–3; № 47 (26 апреля). С. 2.
24. Национальный архив Республики Саха (Якутия). Ф. 12-и. Оп. 16. Д. 88.
25. Уклонский А. Краткие медико-топографические и частью статистические замечания о Вилюйском округе Якутской области // Журнал Министерства внутренних дел. 1841. № 3. С. 80–106.
26. Памятная книжка Якутской области на 1902 год. Якутск : Типография обл. правления, 1902. 95 с.
27. Национальный архив Республики Саха (Якутия). Ф. 12-и. Оп. 1. Д. 23555.
28. Колымск, 14 октября // Восточное обозрение. 1900. № 14 (20 января). С. 3.
29. Мицкевич С.И. Прокаженные на Крайнем Северо-Востоке Сибири // Русские ведомости. 1900. 1 июня (№ 151). С. 18.
30. Национальный архив Республики Саха (Якутия). Ф. 12-и. Оп. 1. Д. 23559.
31. Мицкевич С.И. Записки врача-общественника (1888–1918). 2-е изд., доп. и испр. М. : Медицина, 1969. 238 с.
32. Национальный архив Республики Саха (Якутия). Ф. 12-и. Оп. 2. Д. 4166.
33. Высочайше утвержденное 21-го марта мнение Государственного совета // Епархиальные ведомости. 1906. № 19 (1 октября). С. 273–274.
34. Г. Колымск // Якутский край. 1907. № 4 (12 июля). С. 3.
35. Сергеев И.Ф. Проказа в Колымском округе // Русский журнал тропической медицины. 1929. № 6. С. 412–424; № 7. С. 490–506; № 8. С. 566–570.
36. Средне-Колымск // Сибирь. 1913. № 199 (8 сентября). С. 4.

37. Национальный архив Республики Саха (Якутия). Ф. 17-и. Оп. 1. Д. 3088.
38. Махаев С.К. Подвижницы милосердия: Рус. сестры милосердия: (Краткие биограф. очерки). М. : Тип. Г. Лисснера и Д. Собко, 1914. 144 с.
39. Восемь лет среди прокаженных сибирских колоний [фото Ф.Н. Слепченко] // Огонек. 1916. № 20. С. 16.
40. Из воспоминаний сестры милосердия Ф.Н. Слепченко // 1905–1923. Государственный архив Российской Федерации. Отечественные архивы. 1994. № 6. С. 58–72.
41. Национальный архив Республики Саха (Якутия). Ф. 60. Оп. 5. Д. 1-а
42. Национальный архив Республики Саха (Якутия). Ф. 458. Оп. 1. Д. 27.
43. Национальный архив Республики Саха (Якутия). Ф. Р-52. Оп. 4. Д. 90.
44. Национальный архив Республики Саха (Якутия). Ф. Р-58. Оп. 40. Д. 500.
45. Бандеров Н.С. Доктор Мухин и проказа. Вилюйск: [Б. и.], 2005. Кн. 1. 46 с.
46. Акты исторические, собранные и изданные Археографической комиссией. СПб. : Тип. Экспедиции заготовления гос. бумаг, 1841–1842. Дополнения, т. 2: Доп. к Актам историческим, собранные и изданные Археографической комиссией. Т. 2. СПб., 1846. С. 259.
47. Степанов. Заметки о быте якутов Колымского округа // Архив исторических и практических сведений, относящихся до России, издаваемый Николаем Калачовым. СПб., 1862. С. 44–54.

References

1. Petukhov, I.M. (1869) Mediko-istoricheskiy obzor Kolym'skogo okruga [Medico-historical review of Kolyma Okrug]. In: *Pamyatnaya knizhka Yakutskoy oblasti na 1867 god* [Memorial book of Yakutsk Oblast for 1867]. 2nd ed. Saint Petersburg: Tip. V. Bezobrazova i Komp. pp. 5–61.
2. Polovtsov, A.A. (ed.) (1913) *Russkiy biograficheskiy slovar'* [Russian biographical dictionary]. Vol. 16. Saint Petersburg: Imp. Rus. ist. o-vo. pp. 269–270.
3. Anon. (1802) *Puteshestvie flota kapitana Sarycheva po Severo-Vostochnoy chasti Sibiri, Ledovitomu moryu i Vostochnomu okeanu, v prodolzhenii vos'mi let pri geograficheskoy i astronomicheskoy Morskoy ekspeditsii, byvshey pod nachal'stvom flota kapitana Billingsa s 1785 po 1793 god: v 2 ch.* [Voyage of the fleet of Captain Sarychev in the North-Eastern part of Siberia, the Arctic Sea and the Eastern Ocean, for eight years during the geographical and astronomical Naval Expedition, which was under the command of the fleet of Captain Billings from 1785 to 1793: in 2 parts]. Saint Petersburg: Tipografiya Shnora.
4. Minkh, G.N. (1890) *Istoriya prokazy i pesi* [The History of Leprosy and Vitis]. Vol. 1. [Kiev]: Tip. Un-ta sv. Vladimira, Kievsk. otd-nie t-va pech. dela i torg. I.N. Kushnerev i K° v Moskve.
5. Gedenshtrom, M.M. (1810) *Otryvki o Sibiri* [Fragments about Siberia]. Saint Petersburg: Tipografiya med. departamenta Min-va vnutr. del.
6. Vagin, V.I. (1872) *Istoricheskie svedeniya o deyatelnosti grafa M.M. Speranskogo v Sibiri* [Historical information about the activities of Count M.M. Speransky in Siberia]. Vol. 1. Saint Petersburg.
7. Andrievich, V.K. (1889) *Sibir' v XIX stoletii* [Siberia in the 19th century]. Part 2. Saint Petersburg: Tipografiya i litografiya V.V. Komarova.
8. Palkin, B.N. (1982) Doktor Resley [Dr. Reslane]. *Volga*. 17 Sept. (214). p. 4.
9. Sel'skiy, I.S. (1861) Ssylka v Vostochnuyu Sibir' zamechatel'nykh lits (1645–1762) [Exile of Remarkable Persons to Eastern Siberia (1645–1762)]. *Russkoe slovo*. August. pp. 1–35.
10. Bogoraz, V.G. (1934) *Chukchi* [The Chukchi]. Translated from English. Part 1. Leningrad: Izd-vo In-ta narodov Severa TsIK SSSR.
11. Kiber, A.F. (1824) Izvlechenie iz dnevnikh zapisok, sodержashchikh v sebe svedeniya i nablyudeniya, sobrannye v bolotnykh pustynyakh severo-vostochnoy Sibiri [Extract from daily notes containing information and observations collected in the marsh deserts of northeastern Siberia]. Translated from French. *Sibirskiy vestnik*. 1. pp. 1–10, 11–37, 38–58.
12. Chepalov, V.N. (1914) *Istoriya bor'by s prokazoy v Kolym'skom okruge Yakutskoy oblasti* [The history of the fight against leprosy in Kolyma Okrug of Yakutsk Oblast]. Tomsk: Gubernskaya tipografiya.
13. Mitskevich, S.I. (1902) Eshche o prokaze v Kolym'skom okruge [More about leprosy in Kolyma Okrug]. *Vostochnoe obozrenie*. 281. p. 2; 286. pp. 2–3.
14. National Archive of the Republic of Sakha (Yakutia). Fund 16-i. List 1. File 872.
15. National Archive of the Republic of Sakha (Yakutia). Fund 12-i. List 1. File 539.
16. Mitskevich, S.I. (1999) "Spasibo, bol'shoy toyon!": sbornik vospominaniy, statey, pisem i dokumentov [Thank you, big toyon!": a collection of memoirs, articles, letters and documents]. Yakutsk: [s.n.].
17. Nikitin, M.I. (2016) *Letopis' Srednekolym'ska: Khronika. Fakt'y. Sobytiya* [Chronicle of Srednekolym'sk: Chronicle. Data. Events]. Vol. 1. Srednekolym'sk: Media-kholding Yakutiya.
18. *Eparhial'nye vedomosti*. (1897) Golos iz Kolym'skogo kraya [Voice from the Kolyma region]. 17 (1 September). pp. 270–272.
19. National Archive of the Republic of Sakha (Yakutia). Fund 16-i. List 1. File 1342.
20. National Archive of the Republic of Sakha (Yakutia). Fund 306-i. List 1. File 119.
21. National Archive of the Republic of Sakha (Yakutia). Fund 55-i. List 1. File 256.
22. Avgustinovich, F.M. (1880) Tri goda v Severo-Vostochnoy Sibiri za polynarnym krugom [Three years in North-Eastern Siberia beyond the Arctic Circle]. *Drevnyaya i novaya Rossiya*. XVIII (12). pp. 641–733.
23. Klyuge, A.G. (1895) Ocherki Kolym'skoy zhizni [Essays on Kolyma life]. *Sibirskiy vestnik*. 41 (12 April). pp. 2–3; 42 (14 April). pp. 2–3; 47 (26 April). p. 2.
24. National Archive of the Republic of Sakha (Yakutia). Fund 12-i. List 16. File 88.
25. Uklonskiy, A. (1841) Kratkie mediko-topograficheskie i chast'yu statisticheskie zamechaniya o Vilyuyskom okruge Yakutskoy oblasti [A brief medical-topographical and partly statistical remarks on Vilyui District of Yakutsk Oblast]. *Zhurnal Ministerstva vnutrennikh del*. 3. pp. 80–106.
26. Anon. (1902) *Pamyatnaya knizhka Yakutskoy oblasti na 1902 god* [Memorial book of Yakutsk Oblast for 1902]. Yakutsk: Tipografiya obl. pravleniya.
27. National Archive of the Republic of Sakha (Yakutia). Fund 12-i. List 1. File 23555.
28. *Vostochnoe obozrenie*. (1900) Kolym'sk, 14 oktyabrya [Kolym'sk, October 14]. 14 (20 January). p. 3.
29. Mitskevich, S.I. (1900) Prokazhennyye na Kraynem Severo-Vostoke Sibiri [Lepers in the Far North-East of Siberia]. *Russkie vedomosti*. 1 June (151). p. 18.
30. National Archive of the Republic of Sakha (Yakutia). Fund 12-i. List 1. File 23559.
31. Mitskevich, S.I. (1969) *Zapiski vracha-obshchestvennika (1888–1918)* [Notes of a public doctor (1888–1918)]. 2nd ed. Moscow: Meditsina, 1969. 238 s.
32. National Archive of the Republic of Sakha (Yakutia). Fund 12-i. List 2. File 4166.
33. *Eparhial'nye vedomosti*. (1906) Vysochayshe utverzhdennoe 21-go marta mnenie Gosudarstvennogo soveta [The opinion of the State Council, highly approved on March 21]. 19 (1 October). pp. 273–274.
34. G. (1907) Kolym'sk. *Yakutskiy kray*. 4 (12 July). p. 3.
35. Sergeev, I.F. (1929) Prokaza v Kolym'skom okruge [Leprosy in Kolyma Okrug]. *Russkiy zhurnal tropicheskoy meditsiny*. 6. pp. 412–424; 7. pp. 490–506; 8. pp. 566–570.
36. *Sibir'*. (1913) Sredne-Kolym'sk. 199 (8 September). p. 4.

37. National Archive of the Republic of Sakha (Yakutia). Fund 17-i. List 1. File 3088.
38. Makhaev, S.K. (1914) *Podvizhnitsy miloserdiya: Rus. sestry miloserdiya: (Kratkie biogr. Ocherki)* [Ascetics of Mercy: Russian sisters of mercy: (Short biographical essays)]. Moscow: Tip. G. Lissnera i D. Sobko.
39. *Ogonek*. (1916) *Vosem' let sredi prokazhennykh sibirskikh koloniy* [foto F.N. Slepchenko] [Eight years among lepers in Siberian colonies [photo by F.N. Slepchenko]]. 20. pp. 16.
40. State Archive of the Russian Federation. Domestic Archives. 1994. No. 6. pp. 58–72. *Iz vospominaniy sestry miloserdiya F.N. Slepchenko* [From the memoirs of the sister of mercy F.N. Slepchenko]. 1905–1923.
41. National Archive of the Republic of Sakha (Yakutia). Fund 60. List 5. File 1-a
42. National Archive of the Republic of Sakha (Yakutia). Fund 458. List 1. File 27.
43. National Archive of the Republic of Sakha (Yakutia). Fund P-52. List 4. File 90.
44. National Archive of the Republic of Sakha (Yakutia). Fund R-58. List 40. File 500.
45. Banderov, N.S. (2005) *Doktor Mukhin i prokaza* [Dr. Mukhin and leprosy]. Book 1. Vilyuysk: [s.n.],
46. Anon. (1846) *Akty istoricheskie, sobrannye i izdannye Arkheograficheskoyu komissiey* [Historical acts collected and published by the Archeographic Commission]. Vol. 2. Saint Petersburg: Tip. Ekspeditsii zagotovleniya gos. bumag.
47. Stepanov. (1862) *Zametki o byte yakutov Kolym'skago okruga* [Notes on the life of the Yakuts of Kolyma Okrug]. In: *Arkhiv istoricheskikh i prakticheskikh svedeniy, odnosyashchikhsya do Rossii, izdavaemyy Nikolaem Kalachovym* [Archive of historical and practical information related to Russia, published by Nikolai Kalachov]. Saint Petersburg. pp. 44–54.

Информация об авторах:

Слепцов С.С. – канд. биол. наук, старший научный сотрудник лаборатории клинико-популяционных и медико-социальных исследований Якутского научного центра комплексных медицинских проблем (Якутск, Россия). E-mail: sachaja@yandex.ru

Слептова С.С. – д-р мед. наук, зав. кафедрой инфекционных болезней, фтизиатрии и дерматовенерологии медицинского института Северо-Восточного федерального университета им. М.К. Аммосова (Якутск, Россия). E-mail: sssleptsova@yandex.ru

Андреев М.Н. – врач-невролог, аспирант Научного центра неврологии (Москва, Россия). E-mail: max_andreev@mail.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

S.S. Sleptsov, Cand. Sci. (Biology), senior researcher, Yakut Science Centre of Complex Medical Problems (Yakutsk, Russian Federation). E-mail: sachaja@yandex.ru

S.S. Sleptsova, Dr. Sci. (Medicine), head of the Department of Infectious Diseases, Phthiology and Dermatovenereology, Medical Institute, North-Eastern Federal University (Yakutsk, Russian Federation). E-mail: sssleptsova@yandex.ru

M.N. Andreev, neurologist, postgraduate student, Research Center of Neurology (Moscow, Russian Federation). E-mail: max_andreev@mail.ru

The authors declare no conflicts of interest.

*Статья поступила в редакцию 04.02.2022;
одобрена после рецензирования 18.06.2022; принята к публикации 30.06.2022.*

*The article was submitted 04.02.2022;
approved after reviewing 18.06.2022; accepted for publication 30.06.2022.*